

Научная статья
УДК 01.00.00

**СИСТЕМАТИКА ЛЕКСЕМ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИГОРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ФАИЗЫ ГЕН «DU REVE POUR LES OUFES»)**

Ирина Владимировна Михеева

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, carolinebingly@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических единиц иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов. Материалом исследования послужил роман «Du rêve pour les oufs» Фаизы Ген, современной французской писательницы алжирского происхождения, работающей в направлении *littérature beur* или *littérature urbaine* («арабская литература» или «урбанистическая литература»). В статье рассматриваются отличительные особенности данного литературного направления, а также анализируются лексические особенности романа. Цель статьи – систематика лексем иноязычного происхождения, которыми изобилует роман Фаизы Ген, что предполагает построение динамической модели взаимодействия их формы, функции и значения. На основании результатов анализа автор делает вывод о романе как ярком образце использования лексики иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов в художественном тексте.

Ключевые слова: художественный текст, неконвенциональная лексика, заимствования, аргументация, форма, функция, значение.

Для цитирования: Михеева И.В. Систематика лексем иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов (на материале романа Фаизы Ген «Du rêve pour les oufs») // Дальневосточный филологический журнал, 2023. Т. 1, № 1. С. 29–39.

Original Article

**THE SYSTEMATICS OF LEXEMES OF FOREIGN ORIGIN
IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE OF THE SUBURBS (ON THE MATERIAL
OF THE NOVEL “DU REVE POUR LES OUFES” BY FAÏZA GUÈNE)**

Irina V. Mikheeva

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Far Eastern federal University,
Vladivostok, Russia, carolinebingly@mail.ru

Abstract. The article is devoted to lexical units of foreign origin in the modern French language of suburbs. The material of the research is the novel “Du rêve pour les oufs” by Faïza Guène, a modern French writer of Algerian origin, working within the framework of a literary school called

littérature beur and *littérature urbaine* (“Arabic literature” and “urban literature”). The article deals with the distinctive features of this literary trend and analyzes the lexical features of the novel. The aim of the article is to systematize the lexemes of foreign origin abounding in Faïza Guène's novel, which involves building a dynamic model of the interaction of their form, function and meaning. On the basis of the analysis results the author makes a conclusion about the novel as a vivid example of foreign lexicon usage in the modern French suburban language in the fiction text.

Key words: fiction text, unconventional vocabulary, borrowings, argot, systematics, form, function, meaning.

For citation: Mikheeva I.V. Systematics of lexemes of foreign origin in the modern French language of the suburbs (on the material of the novel by Faïza Guène “Du rêve pour les oufs”) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 29–39. (In Russ.)

Современный французский язык пригородов в последние несколько десятилетий стал символом городской культуры и особым экономическим и социолингвистическим феноменом, который наилучшим образом иллюстрирует так называемую «Вавилонскую башню» пригорода Парижа, т.е. смесь и взаимовлияние языков и культур.

Термин «*le français contemporain des cités*» («современный французский язык пригородов») впервые ввел в употребление французский арготолог и профессор лингвистики Ж.-П. Гудайе. Этот термин он использовал по отношению к специфическому варианту арго, который сложился в период формирования на территории Франции сообществ различных этносов, в основном алжирцев, марокканцев, тунисцев и выходцев из других стран Магриба (50–60 гг. XX в.) [10]. Во многом этот период был весьма специфическим и имел значительные последствия как для социальной жизни страны, так и для лингвистической ситуации в целом. Здесь следует заметить, что, говоря о современном языке пригородов, в первую очередь обычно говорят о пригородах именно Парижа как о самом ярком месте сосредоточения языков и культур.

Этот период социального надлома в пригородах Парижа нашел свое отражение в так называемом «*fracture linguistique*» («лингвистическом надломе»). Говоря о данном феномене, Ж.-П. Гудайе пишет: «*La déstructuration de la langue, qu'ils opèrent dès lors consciemment, est un moyen de s'appropriier la langue française circulante, qui devient leur langue, celle qu'ils ont transformée, malaxée, façonnée à leur image, digérée pour mieux la posséder, avant même de la déurgiter, de l'utiliser après y avoir introduit leurs marques identitaires*». («Деструктуризация языка, который они используют уже осознанно, является способом присвоения циркулирующего французского языка, который становится их языком, тем самым, который они преобразовали, размяли, придали ему форму по своему образу и подобию, переварили, чтобы лучше владеть им, даже прежде чем избавиться от него, чтобы использовать его после введения своих знаков идентичности») [9, с. 2].

Этот новый язык, названный современным французским языком пригородов, не является прерогативой только молодых французов и арабов, хотя они, несомненно, являются движущей силой и авангардом этого межэтнического союза, который вызывает появление лингвистической мозаики, состоящей из арабских, креольских, африканских, португальских, цыганских и других элементов. С одной стороны, эмигранты присваивают себе французский язык в том виде, в каком он существует на территории Франции, а с другой – французский язык обогащается заимствованиями из языков эмигрантов. Ж.-П. Гудайе описывает данный

процесс как процесс разрушения французского языка («un processus de destruction de la langue française»), с чем трудно спорить [9, с. 9].

По мере развития современного французского языка пригородов стала появляться художественная литература на нем, что является вполне закономерным явлением. Но до сих пор не существует единого мнения среди ученых в отношении термина, который в большей степени применим к данному литературному направлению: «арабская литература» (*littérature beur*), «урбанистическая литература» (*littérature urbaine*), «литература пригородов» (*littérature des banlieues*), «постколониальная литература» (*littérature post-coloniale*), «литература магрибинской иммиграции во Франции» (*littérature issu de l'immigration maghrébine en France*), «франкоязычная магрибинская литература» (*littérature maghrébine francophone*) и др. [7; 8; 12; 13]. Вышеперечисленные термины зачастую используются или как синонимы, или как названия разных жанров, а порой накладываются друг на друга.

Несмотря на то, что сам факт существования «арабской литературы» некоторое время ставился под сомнение, как и ее статус, в 80-е годы XX в. художественные произведения писателей-иммигрантов из стран Магриба образовали новую нишу во франкофонной литературе. Первым романом в этом новом жанре считается «Le thé au harem d'Achimède» Мехди Шарефа (Mehdi Charef), который вышел в свет в 1983 году.

В конце 1990-х гг. сформировалась новая волна писателей данного литературного направления, в числе которых Азуз Бегаг (Azouz Begag), Яссир Бенмилуд (Yassir Benmiloud), Феррудья Кессас (Ferrudja Kessas), Сорайя Нини (Soraya Nini), Карим Сарруб (Karim Sarroub), Минна Сиф (Minna Sif), Рашид Джаидани (Rachid Djaidani) и Фаиза Ген (Faïza Guène).

Отличительной особенностью литературы пригородов является ее автобиографичность: рассказ ведется от первого лица, действие, как правило, происходит в пригороде, откуда родом сам автор. Несмотря на то, что достаточно трудно определить темы, наиболее часто затрагиваемые в романах писателей-эмигрантов, поскольку они весьма разнообразны, все же можно отметить некоторые повторяющиеся мотивы: семейные проблемы, поиск корней, интеграция во французское общество, пригород и преступность, странствие и поиск смысла жизни.

Помимо описания деградирующей среды трущоб или пригородов, следует подчеркнуть центральную тему, вокруг которой крутится сюжет большинства романов – это вопрос личной, вернее сказать, гибридной идентичности, которая складывается из единства и противоречия культурного наследия родителей и культуры принимающей страны. Главный герой находится в центре конфликта, внешнего и внутреннего, он чувствует свою раздвоенность между двумя культурами и двумя типами обществ – традиционным арабским обществом своих родителей и новым для него, французским.

Этот диалог культур и мировоззренческих систем находит свое отражение и в языке романа. Специфика языка произведений данного жанра особенно ярко прослеживается на лексико-семантическом уровне, что связано в первую очередь с имитацией устной речи, которая предполагает активное использование ряда слов и выражений, характерных для разговорного языка, языка молодежи, арго, верлана, арабизмов, англицизмов, т.е. всего того, что объединяется термином «современный французский язык пригородов».

Целью данной статьи является систематика лексических единиц иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов, что предполагает построение динамической модели взаимодействия их формы, функции и значения. Материалом исследования послужил роман «Du rêve pour les oufs» (2006 г.) современной французской писательницы

алжирского происхождения Фаизы Ген, которая является одним из ярких представителей так называемой «арабской» и «урбанистической литературы» [11].

Фаиза Ген – яркая представительница писателей нового поколения урбанистической литературы, т.е. детей эмигрантов из Алжира, детство и юность которых прошли в пригородах Парижа. Фаиза Ген родилась в Бобиньи во Франции в 1985 г., выросла в районе Пантен на северо-востоке Парижа, училась в колледже Jean Jaurès, потом в лицее Marcelin Berthelot в Пантене. Огромную известность писательнице принес ее первый роман «Kiffe kiffe demain», опубликованный в 2004 году, когда Ген было всего 19 лет. Тираж книги превысил 200 000 экземпляров, книга была переведена на 22 языка.

Творчество Фаизы Ген уже становилось объектом специального исследования, в том числе лингвистического [2; 3; 4; 7; 8; 12; 13]. Поэтому в качестве материала нашего исследования был выбран роман «Du rêve pour les oufs» как наименее исследованный, но не менее интересный с лингвистической точки зрения.

Роман «Du rêve pour les oufs» («Мечта для тронутых»), опубликованный в 2006 г., погружает читателя в мир молодой женщины, Алем. В свои двадцать четыре года она занята поиском места под солнцем и разрывается между двумя культурами, в которых она родилась и выросла.

Ее детство прошло в Алжире, где она жила со своей матерью, не считая двух недель в году, когда она уезжала к отцу, который работал во Франции рабочим. После смерти матери, в возрасте 12 лет, вместе с младшим братом Фуэдом на руках, она покинула родину, чтобы присоединиться к отцу. Однако отец Алем, после перенесенной черепно-мозговой травмы вследствие несчастного случая на стройке, больше не смог заботиться о своих детях, и роль главы семьи перешла к Алем. Она несет свое бремя, не ропщет на судьбу, радуясь маленьким удовольствиям, какие случаются время от времени. В монологе с самой собой она рассказывает читателю свою историю, приправленную иронией и юмором. Но ее повседневная жизнь – это постоянная борьба, невидимая борьба не только за выживание, но и за то, чтобы быть принятой, признанной, в конце концов. Это постоянная борьба за положение во французском обществе, за то, чтобы больше не жить, как гость. Роман начинается с поиска девушкой первой временной работы, а заканчивается первым визитом в префектуру для подачи заявления на получение французского гражданства.

Повествование ведется от первого лица, язык автора-рассказчицы максимально аутентичен и стилизован под устную речь молодежи пригородов. Художественный текст представляет собой письменный текст с характеристиками устной речи, что создает иллюзию живого общения. Аутентичность достигается на всех уровнях языка: фонологическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом.

В фокусе нашего внимания – лексемы иноязычного происхождения, многократно встречающиеся в романе. Мы рассмотрим их в аспекте взаимодействия формы, функции и значения. Нами был проведен подробный анализ языкового материала, отобранного методом сплошной выборки, в результате которого были выявлены и проанализированы лексемы иноязычного происхождения из романа «Du rêve pour les oufs». Нами установлено, что общий их объем состоит из лексем арабского (38 единиц), английского (34 единицы), африканских (3 единицы), цыганских (2 единицы) и немецкого (2 единицы) языков (см. табл. 1). Необходимо уточнить, что многие из них встречаются в тексте романа не один раз. Так, самой частотной лексемой иноязычного происхождения является лексема *bled* (араб. «родная страна, деревня»), которая упоминается в разных контекстах 20 раз.

Лексемы иноязычного происхождения в тексте романа «Du rêve pour les oufs»

Из арабского языка (38 ед.)	Из английского языка (34 ед.)	Из африканских языков (3 ед.)	Из цыганских языков (2 ед.)	Из немецкого языка (2 ед.)
Bled	Night	Toubab	Marave	Schmittard
Blédard	Cool	Kou yinkaranto	Dicave	Chnek
Miskina	Hot	Boubou		
Kiffe	Cinéma-trash-			
Burka	blondasse			
Djellabas	Slip			
Hayeks	Western			
Hammam	Parking			
Kerentita	Stop			
Gandouras	Winner			
Inchallah	Sweats			
Naâl chétane	Baggies			
Bakchich	Joggings			
Aâmi	French touch			
Khoyya	Bizness			
Boléta	Staff			
Ziara	Remake			
Salam	Sex-symbol			
Labès	Light			
Foulek	Taximan			
Istiqlal	Vibe			
Bouledé	Brushing			
Hanout	Come-back			
Sadaqa	Barman			
Aïn	Boss			
Kabyle	The beau goss			
Starfoullah	Flashé			
Djouf	Street credibility			
Habs	Mec light			
Châab	Light sinon rien			
Miskine	Style "fresh-			
Baraka	groovy-smooth-			
Franssaouis	dans le coup"			
Bendirs	Strings			
Laïus	Shit			
Belâani	Spliff			
Wesh	Sketch			
Bendirs				

Далее рассмотрим каждую из групп подробнее. Как видно из таблицы, самыми частотными являются лексемы из арабского языка, что представляется вполне логичным. Это преимущественно лексика, обозначающая этнографические, религиозные, бытовые реалии, характерные для стран Магриба. Часть этих лексем, обозначающих местные реалии, интегрирована в речь и уже присутствует во французских словарях. Например:

- (1) On se serait cru à la poissonnerie du marché couvert. Dans un autre contexte, j'aurais certainement ri, mais là, j'aurais voulu me cacher. À cet instant précis, si on me l'avait proposé, j'étais OK pour *la burka*. («Это напоминало рыбную лавку на крытом рынке. В другом контексте я бы, конечно, рассмеялась, но здесь мне захотелось спрятаться. Если бы кто-то предложил мне *паранджу* в тот момент, я была бы не против») [11, p. 41].

Согласно словарю *Larousse*, *burka* (de l'arabe) – ‘vêtement traditionnel des femmes musulmanes, qui dissimule leur corps de la tête aux pieds’ («традиционная мусульманская женская одежда, скрывающая тело с головы до ног») [6]. Данная лексема прочно вошла во французский язык, в тексте романа она не сопровождается пояснениями или синонимами, а, значит, может рассматриваться как заимствование из арабского языка во французский. В данном случае лексема *burka* выполняет номинативную функцию, т.е. используется для наименования вещей и явлений, которые отсутствуют во французской культуре.

Рассмотрим ещё один пример:

- (2) Alors les cousines et moi, pour lui acheter quelques parts, on sortait de la baraque en courant, pieds nus, vêtues de simples *gandouras*, et on se foutait de tout. («Поэтому мы выбегали из хижины, вместе с моими двоюродными сестрами, чтобы купить его где-нибудь, босые, в простых *гандурах*, и нам было наплевать на все») [11, p. 50].

В рассматриваемом примере лексема *gandouras* используется в следующем значении: ‘robes légères qu’ on porte dans la maison’ («легкие платья, которые носят дома»). Значение данной лексической единицы приводится самой писательницей в сноске, поскольку она ещё не зафиксирована во французских словарях и может вызвать трудности. В данном примере лексема *gandouras* тоже выполняет номинативную функцию, но её статус иной; это, скорее, экзотизм.

В следующем примере мы рассмотрим случай употребления самой частотной лексемы иноязычного происхождения – лексемы *bled*:

- (3) Je lui dis toutes mes inquiétudes et mes peurs, je lui dis comment mon frère et moi, nous marchons à cloche-pied dans ce *bled*, car on doit se faire discrets, on n'est pas nés là. («Я рассказываю ему обо всех своих тревогах и страхах, рассказываю, как мы с братом скачем в этой *стране* на одной ноге, потому что мы должны быть осторожными, мы не родились здесь») [11, p. 107].

Неконвенциональная лексема *bled* относится к категории «общее арго» и зафиксирована в словаре *Larousse*, а также в словарях арго Т.И. Ретинской и Т.Н. Громовой, Е.Ф. Гриневой [1; 5; 6]. Согласно словарю *Larousse*, лексема *bled* (‘arabe maghrébin blad, pays’) («магрибский арабский язык “блад”, страна») пришла из магрибского арабского языка и обозначает страну [6]. В вышеприведенном примере мы видим, что лексема *bled* используется как синоним Франции, страны не родной для семьи Алем. А в следующем примере та же самая лексема используется уже в другом значении:

- (4) Je n'ai jamais repris le chemin du *bled* depuis mon arrivée en France et, si je décidais d'y retourner, je ne sais pas comment je vivrais le grand *come-back*. («Я ни разу не

возвращалась на *родину* с тех пор, как приехала во Францию, и, если бы я решила вернуться, я не знаю, как бы я пережила это великое *возвращение*)» [11, p. 117].

В примере 4 лексема *bled* используется в значении ‘родина’, ‘родная страна’, т.е. выступает в качестве синонима уже Алжира, а не Франции. Таким образом, в двух последних примерах мы можем наблюдать расширение значения лексемы *bled*. В обоих случаях лексема *bled* реализует идентифицирующую функцию, т.е. выступает в качестве средства распознавания «свой/чужой», позволяет тут же распознать члена своей группы и ощутить свою принадлежность к «своим». Реализуя данную функцию, лексемы иноязычного происхождения конкурируют с французскими лексемами, т.к. говорящий мог бы использовать вместо лексемы *bled* лексему *paus*, но сделал выбор в пользу первой. В этом же примере мы видим использование лексемы из английского языка – *come-back* («возвращение»). Она тоже могла бы конкурировать с французской лексемой *retour* («возвращение»), но говорящий предпочел употребить именно её. Более подробный анализ функций лексем из английского языка будет проведен далее.

Помимо лексем арабского происхождения, в тексте романа встречаются дериваты, т.е. случаи присоединения французского суффикса к лексеме арабского происхождения. Например:

- (5) Quant à Foued, il ment, il dit qu’il va à l’école et qu’il travaille bien. Il a avalé sa salive avant de mentir : à ce que je vois, nous avons les mêmes techniques. Il a fui mon regard lorsqu’il l’a fait, Peut-être craignait-il que je l’affiche, que je lui foute la honte devant un “*blédard*”, comme il dit. («Что касается Фуэда, то он лжет, говорит, что ходит в школу и хорошо работает. Он проглотил слюну, прежде чем соврать: насколько я могу судить, у нас одинаковые техники. Он избегал моего взгляда, когда делал это, возможно, он боялся, что я выдам его, опозорю перед “местным”, как он говорит») [11, p. 142].

В данном примере к лексеме арабского происхождения *bled*, рассмотренной нами ранее, был добавлен французский суффикс *-ard*, который используется для образования существительных и является оценочным. Таким образом лексема *blédard* приобретает значения – ‘араб, живущий в Северной Африке’ или ‘нелегальный иммигрант, живущий во Франции’. С точки зрения лингвистики, подобные примеры наиболее интересны, т.к. представляют собой случаи интерференции и свидетельствуют о том, что лексема иноязычного происхождения настолько плотно вошла во французский язык, что получила грамматическое оформление, свойственное французскому языку.

По той же словообразовательной модели образована и лексема *schmittard*, в основу которой легла немецкая лексема *Schmidt* и французский суффикс *-ard*, которая используется в значении – ‘жандарм, полицейский’ [1, p. 935]. Например:

- (6) Le commissariat de proximité vient d’appeler à l’appart pour que l’on vienne chercher Foued. Mon petit frère chez les *schmittards*, ça me fait un choc. («Местное отделение полиции только что позвонило в квартиру, чтобы прийти и забрать Фуэда. Мой младший брат у *лежавых*, вот это шок») [11, p. 66].

Как показал анализ фактического материала, лексемы арабского происхождения, как правило, относятся к бытовой семантической сфере и к религиозной. Например:

- (7) «Réponds! Qu'est-ce qui te prend? On dirait que t'es possédée! *Naâl chétane!*!» («Ответь на вопрос! Что с тобой не так? Ты выглядишь как одержимая! *Дьявол будь проклят!*») [11, p. 95].

- (8) Nous attendons votre retour avec une grande impatience, ce grand jour, *inchallah*, où nous fêterons devant Dieu et de bon cœur nos retrouvailles. («Мы с нетерпением ждем вашего возвращения, того великого дня, *если того захочет Аллах*, когда мы всем сердцем отпразднуем наше воссоединение перед Богом») [11, с. 115].
- (9) – Je cherche le mot “gibbon”! dit-il en articulnant avec soin ce mot mystérieux.
– Gibbon ?
– Oui, parfaitement.
– *Starfoullah!* Et pourquoi ça? D'où te vient cette fièvre ?
(«– Я ищу слово “гиббон”! сказал он, тщательно выговаривая это загадочное слово.
– Гиббон?
– Да, именно его.
– *Храни тебя Аллах!* С чего вдруг? Что это на тебя нашло?») [11, р. 82].

В примерах 7, 8 и 9 используются типичные для мусульман восклицания, которые являются частью их религиозной культуры и выполняют идентифицирующую функцию. Как правило, подобные религиозные выражения из арабского языка находят свое полное объяснение только на нем, поэтому трудно заменимы какими-либо французскими аналогами.

Помимо бытовой и религиозных сфер лексемы арабского происхождения используются в тексте романа в рамках семантического поля «тюрьма» и «наркомания». Например:

- (10) – Tu veux finir au *habs!* ou quoi ? Si tu continues et que c'est ça ton objectif, eh ben tu vas finir par l'atteindre. («Ты хочешь оказаться в *тюрьме* или как? Если ты будешь продолжать в том же духе, то в конце концов достигнешь своей цели») [11, р. 99].

В примере 10 лексема *habs* арабского происхождения и используется для обозначения тюрьмы, реализуя криптолалическую функцию, т.е. функцию шифрования, позволяя тем самым скрыть смысл высказывания от тех, кто не причастен к группе.

Совсем иную ситуацию мы можем наблюдать, проанализировав случаи употребления лексем английского происхождения. Например:

- (11) Il s'appelle Bilel, genre c'est lui *le sex-symbol* du village, *un light*, comme dit Foued. («Его зовут Билель, он *секс-символ* деревни, *свет*, как говорит Фуэд») [11, р. 149].
- (12) Coco me parle d'une autre soirée proche de là. Je crois qu'il est euphorique, le garçon, il semble opérationnel pour aller jusqu'au bout de *la night*. («Коко рассказывает мне о другой вечеринке неподалеку. Я думаю, что он в эйфории, кажется, этот мальчик готов кутить всю *ночь* напролет»). [11, р. 154].
- (13) La cave s'était transformée en salle de projection *cinéma-trash-blondasse*. («Подвал был превращен в проекционный зал *кинотеатра-треш-блондинки*») [11, р. 31].
- (14) Mouss, au quartier de l'Insurrection, c'est *THE beau gosse*, il a toujours déchaîné les passions. («Мусс, из Мятежного квартала, – *САМЫЙ* красивый, он всегда разжигал страсти вокруг себя») [11, р. 79].

На наш взгляд, функция лексем из английского языка несколько иная, особенно в случае, если во французском языке существует аналог, а в большинстве случаев это так и есть. Употребление англицизмов ограничено двумя семантическими полями: эмоциональным полем (*cool, sex-symbol, light, hot*) и бытовым (мода, телевидение, музыка) (*night, sweats, baggies, joggings, strings*). Несмотря на официальную языковую политику Франции, которая заключается в пуризме и защите чистоты французского языка от обилия англицизмов, в пропаганде

употребления галлицизмов вместо англоязычных аналогов, вследствие глобализации, развития информационных технологий и массовой поп-культуры избежать англоязычной лексики, особенно в речи молодежи, невозможно. На наш взгляд, лексемы англоязычного происхождения выполняют номинативную функцию, когда речь идет о наименовании предметов действительности (*slip, western, parking, joggings, strings*) и юридическую функцию, когда говорящий преследует цель – включиться в игру, создать новую необычную лексему, соединить в одной лексеме английский и французский языки (*cinéma-trash-blondasse, flashé, mec light, light sinon rien, style "fresh-groovy-smooth-dans le coup"*). Помимо этого, использование английских лексем вместо аналогичных французских может быть рассмотрено как форма протеста против общепринятых норм, как способ выделиться и привлечь к себе внимание, что особенно характерно для подростков и молодежи. С этой точки зрения интересен пример 14, в котором говорящий использует не лексему, а грамматическую форму определенного артикля английского языка в качестве детерминатива к французскому существительному (*THE beau gosse*). Таким образом, англоязычные лексемы реализуют полемическую функцию, номинативную и юридическую.

Лексемы из других языков немногочисленны. Например, из африканских языков:

- (15) Elle rêve de devenir chanteuse et se plaint qu'aucun *toubab* de sa classe ne veut être son amoureux parce qu'elle a de faux cheveux. («Она мечтает стать певицей и жалуется, что ни один *коренной француз* в ее классе не хочет быть ее возлюбленным, потому что у нее искусственные волосы») [11, p. 18].

Лексема *toubab*, согласно словарю *Larousse*, имеет значение – ‘en Afrique noire, nom donné aux Européens, aux Blancs; Africain ayant adopté le mode de vie européen’ («европеец, белый или ассимилировавшийся африканец») [6]. Помимо этого, лексема *toubab* уже вошла в словарь аргю французского языка, расширив при этом свое значение до ‘коренного француза’, в котором она используется в примере 15. [1, p. 1033].

Лексемы из цыганских языков всегда были характерны для вокабуляра французского аргю, особенно для семантического поля правонарушений и криминала. Например:

- (16) C'est vrai, c'est hyper-moche, j'admets. <...> En plus, je lui ai laissé cinq euros de pourboire! Venez, on y retourne et on la *marave*, non? J'ai la haine, ça y est... («Это правда, это очень некрасиво, я признаю. <...> А я ещё оставила ей пять евро чаевых! Давайте вернемся и *размажем ее по стенке*, да? Как же я ненавижу её...») [11, p. 135].

В данном примере используется глагол *maraver*, взятый из цыганских языков, в значении ‘бить, избивать, прикончить’ [1, p. 624]. В контексте романа произошла ситуация, когда одна из подруг вернулась из парикмахерской с новой прической, которая ей ужасно не идет, она сама недовольна и жалеет о том, что сделала это, ещё и чаевые оставила мастеру. Функция данной лексической единицы – криптолалическая, т.е. передача сообщения для своих с целью сделать это так, чтобы чужие не поняли.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: лексемы иноязычного происхождения играют важную роль в современном французском языке пригородов; в романе Фаизы Ген используются лексемы из арабского, английского, африканских, цыганских и немецкого языков; при этом в зависимости от контекста они могут расширять свое значение и реализовывать разные функции, согласно стратегическому замыслу говорящего, а именно – номинативную, криптолалическую, полемическую и юридическую. Данное исследование может найти свое продолжение в изучении особенностей перевода

неконвенциональной лексики иноязычного происхождения на русский язык (на материале того же романа).

Список литературы

1. Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов. М.: Нестор Академик, 2012. 1168 с.
2. Кашкина Е.В. Особенности языковой интерференции во французском языке марокканских билингвов [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 107–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44494685> (дата обращения: 05.11.2022).
3. Монгилева Н.В. Национальная и этническая картины мира в произведении Ф. Гэн «Киффе-киффе завтра» [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). С. 180–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22011437>
4. Проскуракова Д.Ю. Феномен переключения кодов в урбанистической литературе Франции (на примере Романов Фаизы ген «Kiffe Kiffe Demain» и Рашида Джаидани «Boumkffir») [Электронный ресурс] // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1(78). С. 158–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35052992>
5. Ретинская Т.И. Словарь аргю французской учащейся молодежи. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 174 с.
6. Толковый словарь французского языка Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 16.11.2022).
7. Arezki D. Codes linguistiques et en-jeu identitaire dans le roman Un homme ça ne pleure pas (2014) de Faïza Guène [Electronic resource] // Lublin studies in modern languages and literature. Maria Curie-Sklodowska University Press. 2022. Vol. 46, № 1. P. 69–86. URL: <https://journals.umcs.pl/lsmll/article/download/12565/9739> (дата обращения: 15.10.2022).
8. Coste M. Rap, littérature et légitimité dans Du rêve pour les oufs de Faïza Guène [Electronic resource] // Interculturel francophonie, «Littératures et cultures urbaines francophones». 2022. № 40. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03636479> (дата обращения: 14.10.2022).
9. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris : Maisonneuve et Larose, 2001. 261 p.
10. Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités [Electronic resource] // Presses Universitaires de France. «La linguistique». 2002. Vol. 38. P. 5–24. URL: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2002-1-page-5.htm> (дата обращения: 18.10.2022).
11. Guène F. Du rêve pour les oufs. Paris : Hachette littératures, 2006. 160 p.
12. Lievois K., Noureddine, N. N., Kloots, H. Le lexique des jeunes des cités dans Kiffe kiffe demain : choix traductifs en arabe, espagnol et néerlandais [Electronic resource] // Traduction, terminologie, rédaction. 2018. Vol. 31, № 1. P. 69–96. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ttr/2018-v31-n1-ttr04802/1062547ar/> (дата обращения: 10.11.2022).
13. Zerrouki N. Le discursif et les marqueurs socioculturels du récit beur au féminin : le cas de Faiza Guene, Razika Zitouni [Electronic resource] // Langues, Cultures, Communication. L2C. 2018. Vol. 2, № 2. P. 144–154. URL: <https://revues.imist.ma/index.php?journal=L2C> (дата обращения: 08.09.2022).

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.